

Ботанико-географическія работы А. Н. Краснова.

Какъ нами было уже отмѣчено въ общей характеристикѣ Краснова, онъ былъ по преимуществу ботанико-географомъ, и въ области русской ботанической географіи его заслуги являются крупными и безспорными. Эти заслуги, несомнѣнно, поставили бы имя Краснова высоко среди западно-европейскихъ корифеевъ ботанической географіи, если бы онъ, какъ человекъ съ чисто русскими симпатіями и рѣдкой скромностью, не печаталъ своихъ работъ почти исключительно на родномъ языкѣ, хотя и обладалъ прекраснымъ знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ.

Мы не ставимъ своей задачей исчерпывающій очеркъ сдѣланнаго Красновымъ, но остановимся лишь на нѣкоторыхъ его работахъ, кажушихся намъ наиболѣе интересными. Изъ нихъ, конечно, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе его первая большая работа «Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня», «разсужденіе на степень магистра ботаники А. Н. Краснова»¹⁾. Въ ней уже ярко выражены всѣ особенности таланта Краснова: ширина кругозора, смѣлость мысли, тонкая наблюдательность, картинность языка и недостаточная внимательность въ обработкѣ фактическаго матеріала. «Опытъ исторіи развитія» составляетъ, конечно, крупный моментъ въ исторіи изученія флоры Тянь-Шаня и при болѣе живомъ темпѣ русской науки могъ бы послужить исходнымъ пунктомъ для цѣлой научной литературы. У насъ же онъ такъ и остался безъ дальнѣйшаго движенія, почти не оказавши преимущества вліянія.

Но намъ хочется особенно отмѣтить другую сторону значенія названной работы Краснова въ исторіи русскихъ ботанико-географическихъ воззрѣній. Красновъ въ ней (такъ же какъ въ рядѣ другихъ болѣе мелкихъ раннихъ статей) является отцомъ тѣхъ двухъ ботанико-географическихъ направленій, которыя сейчасъ господствуютъ въ русской литературѣ и которыя дифференцировались изъ прежняго общаго «геоботаническаго» на-

¹⁾ Записки И. Р. Географическаго О-ва. 1888.

направленіе. Одно изъ нихъ, развивающее идеи Энглера, подходит къ фактамъ систематики и флористики, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историческаго развитія растительнаго покрова въ результатъ различныхъ геологическихъ судьбъ поверхности земли въ прошломъ. Другое выдвигаетъ на передній планъ связь растительности съ почвами и въ почву переноситъ центръ тяжести ботаническаго изслѣдованія. Второе направленіе въ своихъ первоисточникахъ тѣсно примыкаетъ къ трудамъ и идеямъ проф. Докучаева и можетъ быть названо чисто-русскимъ¹⁾. Представителями перваго теченія являются такіе крупные современные русскіе ботаники, какъ проф. Н. И. Кузнецовъ и его школа, Д. И. Литвиновъ, І. К. Пачоскій, представителями второго въ большей или въ меньшей степени—Г. И. Танфильевъ, А. Я. Гордягинъ, В. Н. Сукачевъ, Б. А. Келлеръ и другіе.

«Опытъ изслѣдованія флоры ю. ч. в. Тянь-Шаня» А. Н. Краснова и является первой русской работой, въ которой принципы этихъ двухъ теченій не только проведены, но и *теоретически* сформулированы. Во взглядахъ Краснова сочеталось вліяніе, съ одной стороны, Докучаева, ученикомъ котораго онъ былъ и съ которымъ много работалъ, а съ другой—западно-европейскихъ географовъ, съ идеями которыхъ онъ во время своего пребыванія за границей также близко познакомился. Но въ то же время Красновъ сохраняетъ самостоятельную позицію и благодаря своей тонкой наблюдательности и обобщающему таланту, не только не впадаетъ въ тѣ крайности, которыми характеризуются оба направленія въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи у насъ, но и опредѣлено выдвигаетъ третій элементъ обязательный въ ботанико-географическихъ построеніяхъ, но обычно игнорируемый,—*процессъ видообразованія*.

Въ введеніи къ разсматриваемой работѣ А. Н. излагаетъ принципы своего пониманія задачъ и методовъ ботанической географіи²⁾ и дѣлаетъ это съ обычной своей талантливостью. «Передъ географами растений, говоритъ онъ, теперь лежитъ ин-

¹⁾ Въ настоящее время оно, однако, начинаетъ сливаться съ болѣе широкимъ *оікологическимъ* направленіемъ въ ботанической географіи, получившимъ свое первоначальное развитіе въ Западной Европѣ.

²⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что у Краснова мы, повидимому, вообще впервые въ русской литературѣ встрѣчаемъ *теоретическую формулировку* задачъ ботанической географіи въ ея современномъ пониманіи. Это одно даетъ право на признаніе крупнаго значенія за нимъ въ исторіи русской научной мысли.

тересная задача — прослѣдить на основаніи, имѣющихся дан-
 ныхъ, исторію образованія современныхъ флоръ изъ древней
 палеоарктической. Если бы всѣ страны сѣвернаго полушарія
 имѣли одинаковое прошлое — сдѣлать это было бы не трудно.
 Но мы знаемъ, что исторія эта была весьма различна, и пути
 измѣненія флоръ были неодинаковы. Кромѣ того, самое поверх-
 ностное наблюденіе показываетъ, что весьма многіе виды одарены
 прекрасными средствами для переселенія. На нашихъ глазахъ
 многія американскія растенія, помимо желанія человѣка, вторг-
 лись въ Европу..., точно такъ же, какъ много видовъ европейскаго
 происхожденія переселилось на другіе материки. Такія переселенія
 происходили, очевидно, и въ древнѣйшія, недоступныя нашимъ
 наблюденіямъ времена, — и, находя то или другое растеніе въ
 изучаемой странѣ, трудно сказать, есть ли это неизмѣненный
 потомокъ палеоарктическаго вида данной мѣстности, или при-
 шлецъ изъ чужой страны. Трудность эта увеличивается еще
 и тѣмъ обстоятельствомъ, что флоры третичнаго періода намъ
 извѣстны лишь изъ немногихъ мѣстъ и въ лицѣ немногихъ
 представителей»... «Обозначивъ флору всякой данной страны
 формулою $F = f_1 + f_{II} + f_{III}$, гдѣ F есть совокупность всѣхъ
 нынѣ живущихъ формъ, f_1 до нынѣ уцѣлѣвшіе и не измѣни-
 вшіеся палеоарктическіе виды, f_{II} непосредственный результатъ
 измѣненія палеоарктическихъ видовъ подъ вліяніемъ измѣненія
 условій жизни въ данной странѣ и f_{III} —виды, переселившіеся въ
 позднѣйшую эпоху,— мы увидимъ, что для различныхъ странъ
 значеніе этихъ слагаемыхъ весьма неодинаково. Въ общемъ
 можно различать три типа флоръ. Первый изъ нихъ, пред-
 ставителемъ котораго является Японія и нѣкоторыя части
 Сѣверной Америки, со времени третичнаго періода и до настоя-
 щаго времени отличался постоянствомъ условій жизни. Здѣсь
 было мало условій для сильнаго измѣненія формъ, а на нѣко-
 торыхъ островахъ мало данныхъ и для переселеній извнѣ. По-
 тому здѣсь флора близка къ палеоарктической и приближается
 къ идеальной формулѣ: $F = f_1$ Большая часть западной
 Европы можетъ быть представительницей другого типа. Ходъ
 историческихъ событій былъ здѣсь особенно бурный, непосто-
 янный... Европа была странюю постояннаго движенія формъ,
 странюю переселеній... Флора здѣсь стремится приблизиться къ
 идеальному случаю $F = f_{III}$.» Наконецъ, «Средняя Азія можетъ
 служить типомъ третьяго рода странъ. Съ давно прошедшихъ
 временъ и до настоящей минуты климатъ страны постоянно из-
 мѣнялся, но измѣненія эти происходятъ все въ одну и ту же

сторону (усыханія и усиленія континентальности)... Постоянное и все усиливающееся дѣйствіе однихъ и тѣхъ же факторовъ на флору не могло не вызвать въ ней соотвѣтствующихъ приспособленій и измѣненій... Здѣсь флора ближе всего къ идеальному случаю $F = f_{II}$ »

Однако, эта близость все же неполная, и формула флоры остается та же: $F = f_I + f_{II} + f_{III}$, лишь съ преобладаніемъ f_{II} . Какъ же можно выдѣлить изъ нея «остальные менѣе многочисленные элементы»? Простое «сравненіе списковъ, хотя бы даже списковъ странъ типа $F = f_{II}$, не даетъ само по себя возможности судить о томъ, какіе элементы флоры суть древніе, палеоарктическіе, какіе суть эмигранты и какіе результаты измѣненія, достигнутого познѣйшими измѣненіями жизни». Недостаточно для этого и простыхъ геологическихъ данныхъ. Для анализа флоры, особенно для странъ континентальныхъ, Красновъ предлагаетъ методъ, называемый имъ *сравнительной геоботаникой*. Подъ послѣднимъ терминомъ онъ понимаетъ «ученіе о зависимости между характеромъ ботаническихъ формаций растительнаго царства и жизнью и исторіей горныхъ породъ, служащихъ этимъ формациямъ почвой. Такимъ образомъ, въ основу геоботаники ложится почвовѣдѣніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и ученіе о ботанической формации».

Но, выдвигая, какъ важный ботанико-географическій фактъ, существованіе тѣсной связи между жизнью почво-образующей породы и ея растительностью, Красновъ далекъ отъ того пониманія этой связи, въ какое вылилось почвенно-ботаническое направленіе въ дальнѣйшее время и при которомъ въ концѣ концовъ почва совершенно затемняетъ растеніе. Для Краснова жизнь почвы и жизнь растительнаго покрова имѣютъ каждая самостоятельную цѣнность; онѣ лишь идутъ обычно параллельно въслѣдствіе сходства общей совокупности условій. Отсюда, напр., столь правильная связь степной растительностью съ черноземомъ. Благодаря этой связи, мы можемъ по совокупности видовъ растений судить о почвенной жизни и обратно, зная исторію и жизнь почвы, мы можемъ а priori ожидать на ней ту или другую растительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая растительность почвъ одной и той же области находящихся въ различныхъ моментахъ развитія, по мнѣнію Краснова, можно узнать «характеръ слагаемыхъ формулы $F = f_I + f_{II} + f_{III}$ и, путемъ сопоставленія, отдѣлить древніе неизмѣнившіеся элементы древніе неизмѣнившіеся и, наконецъ, молодые пришлые элементы». «Продѣлавъ то же со всѣми формациями страны, поставивъ измѣненія

видовъ изъ типа *fu* въ связь съ измѣненіями природы страны, мы получимъ исторію ея флоры, основанную не на гипотезахъ и предположеніяхъ, а на строго научномъ изученіи ея геологіи и знаніи фізіологическихъ процессовъ, обусловленныхъ тѣми или другими особенностями ея климата и почвы».

Для Краснова, въ отличіе отъ большинства послѣдующихъ русскихъ геоботаниковъ, какъ историческаго, такъ и почвеннаго направленія, является характернымъ глубокое сознаніе, что рѣшеніе вопросовъ развитія флоры не возможно безъ постановки общебіологической проблемы видообразования, и въ «Исторіи развитія флоры Тянь-Шаня» онъ неоднократно пытается дать конкретное объясненіе происхожденія видовыхъ особенностей разсматриваемой имъ флоры. Своего эволюціоннаго *credo* онъ вполне ясно не формулируетъ, но и здѣсь все-таки сказывается самостоятельность его, какъ мыслителя и наблюдателя. Въ эпоху, когда дарвинизмъ, въ особенности у насъ, былъ почти единственной признаваемой эволюціонной теоріей, Красновъ, не отрицая значенія борьбы за существованіе и естественнаго отбора, въ то же время явно склоняется къ признанію крупной роли за непосредственно измѣняющимъ вліяніемъ условій существованія съ унаслѣдованіемъ пріобрѣтенныхъ признаковъ.

А. Н. Красновъ неоднократно на протяженіи разсматриваемой работы останавливается на сопоставленіи близкихъ видовъ, изъ которыхъ одинъ является, по его мнѣнію, лишь какъ бы климатической или почвенной модификаціей другого. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ возможнымъ выставить смѣлое для того времени положеніе, что дѣятельность видообразования ужъ не такъ длительна, какъ это принято думать. Исторія почвъ и характеръ отличительныхъ видовыхъ признаковъ для растительныхъ формъ Арало-Каспійской зоны Тянь-Шаня «наводятъ, говоритъ онъ (стр. 266), на мысль, что онѣ создались въ самое новѣйшее время, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Вопреки мнѣнію Декандоля, Криста и др., утверждавшихъ, что со времени третичнаго періода не создано ни одной новой формы, эти виды должны были переродиться изъ соотвѣтствующихъ гидрофиловъ послѣ того, какъ эти послѣдніе очутились въ новыхъ условіяхъ среди чуждой формаціи. Ихъ родоначальники—если не теперь еще живущіе на сосѣднихъ, не завоеванныхъ ксерофитами, формаціяхъ виды—то, по крайней мѣрѣ, формы весьма къ нимъ близкія». Красновъ указываетъ, что въ такихъ случаяхъ ихъ различаютъ какъ разъ такіе же признаки, которые, какъ доказано экспериментально, вызываются условіями влажности. Но

«многія изъ приведенныхъ растеній, говоритъ онъ дальше, имѣются въ настоящее время въ культурѣ... Тѣмъ не менѣе, формы, наблюдавшіяся мною въ ботаническихъ садахъ такихъ городовъ, какъ Бреславль, Петербургъ и Берлинъ, сохраняли съ необыкновеннымъ упорствомъ свои признаки.... Невольно поэтому думается, что всѣ вышеперечисленные и многіе другіе виды суть результаты унаслѣдованія фізіологически вызванныхъ особенностей, подъ вліяніемъ непрестаннаго вѣкового, постоянно усиливающагося, измѣненія климата на соответствующихъ олиготермъ—гидрофиловъ. Но разъ это было такъ—намъ открываются сразу на цѣлый рядъ вопросовъ о законахъ происхожденія видовъ въ настоящія и прошедшія времена. Если въ измѣненіи признаковъ есть причинность, если не всегда новый видъ есть слѣдствіе слѣпо идущаго естественнаго подбора, сохраняющаго и позволяющаго размножаться случайно возникшимъ *lusus naturalis*?, а результатъ воздѣйствія поддающихся изученію факторовъ—мы вправѣ искать законовъ, управляющихъ этими дѣйствіями». Выживаніе, ведущее къ обособленію новыхъ формъ, должно обуславливаться или 1) структурой растенія, почему-либо пригодной и для новыхъ требованій, или 2) способностью къ видоизмѣненію органовъ, измѣненія которыхъ требуютъ вновь создавшіяся условія. «Изъ этихъ органовъ, бываетъ иногда достаточно, чтобы измѣнились лишь нѣкоторые, чтобы растеніе могло выжить—напр., чтобы уничтожить сильно испаряющіе листья. Иногда же требуется полная реформа всѣхъ органовъ. Неспособныя на это формы гибнуть. Способность къ измѣненію различныхъ органовъ у различныхъ растеній, повидимому, неодинакова... Только детальное изученіе рода съ морфологической и фізіологической стороны можетъ дать отвѣтъ, почему у однихъ формъ извѣстные органы способны, у другихъ при тѣхъ же условіяхъ не способны къ измѣненію».

Насколько правъ былъ А. Н. Красновъ въ своихъ наведеніяхъ отъ фактовъ живой природы? На это мы можемъ только сказать, что вопросъ и сейчасъ находится въ томъ же спорномъ положеніи. И сейчасъ мысль о видообразовательномъ значеніи прямого измѣняющаго вліянія внѣшнихъ условій на растительный организмъ имѣетъ многочисленныхъ убѣжденныхъ сторонниковъ

9 Здѣсь А. Н. Красновъ, очевидно, неправильно излагаетъ сущность дарвинизма. Въ еще болѣе рѣзкой формѣ ту же ошибку онъ повторяетъ и гораздо позднѣе. («Лекціи по ботаникѣ». 1910).

въ литературѣ¹⁾ хотя вопросъ о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ признаковъ и стоитъ сейчасъ острѣе, чѣмъ въ тотъ періодъ, когда писался «Опытъ исторіи развитія»... И, повидимому, неоламаркизмъ не далекъ отъ истины въ томъ смыслѣ, что внѣшнія условія такъ или иначе играютъ какъ бы проявляющую и направляющую роль во многихъ видообразовательныхъ процессахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. Н. Красновъ является у насъ среди ботаниковъ однимъ изъ немногихъ представителей воззрѣній, близкихъ къ неоламаркизму, притомъ высказывающихъ ихъ на основаніи личныхъ продуманныхъ наблюденій, а не въ результатѣ лишь простого литературнаго знакомства съ вопросомъ. И если имя Краснова отсутствуетъ въ западно-европейской эволюціонной литературѣ, тогда какъ имя Коржинскаго всегда упоминается, то это объясняется въ значительной степени только тѣмъ, что взгляды перваго не были имъ опубликованы на иностранномъ языкѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ въ взглядахъ Краснова, какъ характерную черту, мысль о существованіи въ организмахъ различныхъ степеней *склонности* измѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, что дѣлаетъ его точку зрѣнія гораздо болѣе гибкой и согласуемой съ новѣйшими теченіями въ эволюціонныхъ теоріяхъ. Съ этой точки зрѣнія, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія мысли, высказываемыя Красновымъ. «Допустимъ, говоритъ онъ, что мы имѣемъ видъ способный къ измѣненіямъ, положимъ *Artemisia eriocarpa*, видъ способный, повидимому, измѣнить лишь одинъ изъ своихъ признаковъ—длину междоузлій въ соцвѣтіяхъ. Понятно, такой видъ дастъ намъ лишь одинъ дериватъ—*A. eranthema*. Но если у нашего вида не одинъ, а нѣсколько признаковъ, способныхъ измѣняться, спрашивается, что будетъ тогда? Тутъ, очевидно, мыслимы два случая. Всѣ признаки измѣняются равномѣрно и въ одну сторону. Видъ А дастъ *хорошій* видъ В. Но можетъ быть и иначе. Неуловимая для поверхностнаго наблюдателя разница во внѣшнихъ условіяхъ можетъ у одного изъ представителей вида А вызвать преобладающее измѣненіе одной группы признаковъ, у другого—другой, притомъ признаки могутъ измѣняться на п различныхъ способовъ. Листъ, напр., можетъ стать уже или короче, или меньше, превратиться въ колючку или атрофироваться и т. п. Тогда, очевидно, что видъ А долженъ дать

¹⁾ См., напр., *Prof. Karl Giesenhagen*. Anzeichen einer Stammesentwicklung im Entwicklungsgang und Bau der Pflanzen (Сборникъ «Die Abstammungslehre». Jena. 1911).

столько различных формъ, сколько можно сдѣлать различныхъ перестановокъ изъ различнымъ образомъ и въ различной степени измѣнившихся органовъ. Общій характеръ измѣненій останется все тотъ же; растение останется ксерофиломъ, но оно дастъ столько характерныхъ видовъ, со столь различными признаками, сколько можно сдѣлать различныхъ перестановокъ и комбинацій изъ его признаковъ. Эти виды и измѣненія будутъ стремиться къ извѣстному идеалу приспособленія, гдѣ бы всѣ признаки были измѣнены наисильнѣйшимъ образомъ. Такая конечная форма явится наилучше отвѣчающею вновь создавшимся условіямъ. Она въ концѣ-концовъ одна сохранится, тогда какъ всѣ прочія, если условія, вызвавшія измѣненія, будутъ продолжать дѣйствовать, все усиливаясь,—вымрутъ. Въ общемъ получится картина, какъ-будто неопытный ученикъ, сдѣлавъ сотни и тысячи неудачныхъ пробъ, наконецъ, остановился на одной, наилучшей—и забраковалъ всѣ остальные. Исторія міро-зданія даетъ намъ тысячи примѣровъ подобнаго рода. Достаточно только напомнить о юрскихъ аммонитахъ, которые вдругъ появились, достигли поразительнаго разнообразія формъ—и вновь исчезли, оставивъ въ напоминаніе о себѣ лишь немногихъ сходнымъ образомъ устроенныхъ животныхъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, не ставили въ связь съ внѣшними условіями подобныхъ явленій. Но Туркестанскій край, въ своемъ растительномъ царствѣ, даетъ намъ какъ—разъ явленія, аналогичныя съ юрскими аммонитами. Нѣкоторые роды, очень плохо представленные въ зонахъ лѣсной и альпійской, равно какъ и на периферіи материка—въ зонѣ Арало-Каспійской, именно тамъ, гдѣ произошли въ климатѣ сильнѣйшія измѣненія, вдругъ достигаютъ баснословнаго разнообразія видовъ. Роды *Astragalus*, *Allium*, нѣкоторыя *Salsolaceae*, *Oxytropis*, *Atraphaxis*, насчитываютъ ихъ десятками... Чуть ли не каждый холмъ, не каждая балка, имѣетъ собственные виды... Вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшній видъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ *Allium* и *Astragalus* необыкновенно сходенъ. Еще subgenus можно бываетъ отличить довольно легко, но разобраться въ путаницѣ второстепенныхъ признаковъ... можетъ только тотъ, кто на долгое время посвятитъ себя тайнѣ Астрогологіи...».—Дальше А. Н. Красновъ даетъ формулу теоретическаго «вычисленія» всѣхъ видовъ, могущихъ возникнуть изъ даннаго числа прототиповъ, при чемъ имъ принимается во вниманіе, что не всѣ комбинаціи признаковъ морфологически совмѣстимы. «При вычисленіи могущихъ происходить разновидностей... надо знать, какіе органы и какъ въ данномъ родѣ

могутъ измѣняться и комбинироваться. Но разъ это будетъ извѣстно, есть основаніе надѣяться найти число видовъ полиморфнаго рода, равное числу прототиповъ, умноженному на сумму всевозможныхъ перестановокъ, сдѣланному изъ m способныхъ на n способовъ измѣняться элементовъ—минусъ тѣ комбинаціи, которыхъ не допускаютъ законы морфологіи и законы соотвѣтствія членовъ для даннаго рода». Въ дальнѣйшемъ А. Н. Красновъ дѣлаетъ попытку примѣнить свою формулу на конкретномъ примѣрѣ—родѣ *Atraphaxis*, центръ распространенія котораго «безспорно Тянь-Шань и сѣверная Персія». За форму, стоящую ближе всего къ прототипу, онъ считаетъ описанный имъ же видъ *Atraphaxis Muschketovi*¹⁾ — «красивый кустарникъ, превышающій человѣческій ростъ». Анализу рода *Atraphaxis* Красновъ посвящаетъ цѣлыхъ 9 страницъ. Менѣе детально онъ останавливается также на анатомическомъ строеніи *Salsolaceae*.

Читая въ настоящее время, почти спустя 30 лѣтъ, всѣ эти строки, трудно не отдать должное силѣ мысли автора. И только слабая преемственность научной работы у насъ сдѣлала то, что идеи Краснова, какъ ботанико-географа—эволюциониста блеснули на мигъ и были забыты. Основная же мысль его, что флора нашихъ средне-азиатскихъ владѣній представляетъ богатѣйшій и благодарнѣйшій матеріалъ для изслѣдованій съ точки зрѣнія видообразования, остается и сейчасъ, какъ и раньше, глубоко правильной. И можно только пожелать, чтобы, съ одной стороны, русскіе изслѣдователи, наконецъ, направили въ эту сторону свои интересы, а съ другой—отдали должное Краснову и возстановили его заслуги въ исторіи русской біологической науки.

Магистерская диссертация Краснова, содержа въ себѣ массу новыхъ фактовъ, тонкихъ наблюденій и блестящихъ мыслей, однако, сама по себѣ, вслѣдствіе обширности темы и непропорціональной бѣдности фактическаго матеріала, является неизбежно слишкомъ спекулятивной. Но заслуживаетъ быть отмѣченной нѣсколько болѣе поздняя работа А. Н., въ которой тѣ же принципы

¹⁾ Какъ извѣстно, систематическія работы А. Н. Краснова являлись очень слабыми и описывавшіеся имъ новые виды сплошь и рядомъ оказывались неудачными, но названный видъ *Atraphaxis* признается и новѣйшими систематиками (см. Б. А. Федченко. Растительность Туркестана. П. 1915). Изъ другихъ видовъ, впервые описанныхъ Красновымъ въ флорѣ Тянь-Шаня, сохранили свое значеніе (см. Федченко, *ibid*) *Parrya Becketowi*, *Chrysosplenium tiansschianicum*, *Tanacetum Grigorjewi*, *Saussurea Famintziniana*, *Pedicularis Maximowiczii*, *Tulipa Regelii*, *Triticum Batalini*, *Stipa Woronini*.

проведены опять-таки весьма последовательно и которая въ то же время оставляетъ болѣе конкретное впечатлѣніе. Это—его статьи, помѣщенные въ «Землевѣдѣніи» за 1894 г. (кн. II и III) подъ общимъ заголовкомъ—«Изъ поѣздки на дальній востокъ Азіи». Эти статьи, между прочимъ, цѣнны и тѣмъ, что онѣ почти единственныя въ нашей литературѣ, принадлежащія перу русскаго ботаника и представляющія не простое описаніе туристскихъ впечатлѣній отъ тропической флоры, а самостоятельное оригинальное изслѣдованіе послѣдней. Если въ «Опытѣ развития флоры Тянь-Шаня» Красновъ пытается проникнуть въ глубину процессовъ эволюціи, совершающихся подъ вліяніемъ усыхания, то здѣсь онъ ставитъ своей задачей еще болѣе широкую и яркую проблему—эволюціи растительности сѣверныхъ широтъ, въ частности, русскаго сѣвера съ его тундрой, изъ тропической и субтропической древней флоры. И дѣлаетъ это онъ опять-таки со всѣмъ блескомъ своего таланта, если не рѣшая вопроса въ строгомъ смыслѣ слова, то давая фейерверкъ мыслей и сопоставленій, толкающихъ на дальнѣйшую работу въ томъ же направленіи. И едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что названныя статьи Краснова даже и сейчасъ имѣютъ мало равныхъ и въ западно-европейской литературѣ...

Онъ начинаетъ свои очерки словами: «Дальній востокъ Азіи, съ тѣхъ поръ какъ его страны стали дѣлаться все болѣе и болѣе доступными для европейцевъ и мало-по-малу раскрыли передъ натуралистами особенности своей природы, является краемъ наиболѣе интереснымъ для географа-эволюціониста». Указавъ на значительную однородность имѣющихъ здѣсь мѣсто климатическихъ условій и въ то же время постепенность смѣны ихъ при движеніи съ юга на сѣверъ, А. Н. говоритъ: «Если охлажденіе сѣвернаго полушарія совершалось постепенно, то столь же постепенно должно было совершаться въ сѣверной половинѣ восточно-азіатскаго побережья перерожденіе его полутропическихъ видовъ въ полярные. Мы и теперь должны поэтому наблюдать всѣ постепенныя стадіи измѣненія этихъ видовъ,—а вся совокупность флоры восточно-азіатскаго побережья должны представить изъ себя одну грандіозную картину эволюціи субтропической третичной флоры въ современную флору умѣреннаго и холоднаго пояса». Съ цѣлью выяснитъ поставленный имъ вопросъ, Красновъ посѣтилъ въ трехъ различныхъ пунктахъ азіатскаго побережья его высокія горныя вершины, сдѣлавши на нихъ вхожденіе: на Явѣ вулканы Gedeh, Salac, Tong-kulan-prao и Popandajan, равно какъ горы окрестностей хинной плантаціи

Rertemanah; на Kiy-Ciy въ Японіи на горы Onzen-dake и вулканъ Aso Iama, и на Сахалинѣ на хребетъ Пилингу. Въ результатѣ своихъ наблюденій авторъ даетъ три блестящихъ по картинности сравнительныхъ очерка: 1) Растительность горныхъ вершинъ Явы, 2) Растительность горъ южной Японіи и 3) Растительность о-ва Сахалина. Въ особенности интересенъ и богатъ содержаніемъ очеркъ горной растительности Явы. Свои очерки А. Н. Красновъ заключаетъ словами: совокупность этихъ наблюденій «мнѣ кажется, даетъ возможность утверждать, что изслѣдованія, болѣе полныя и детальныя ассоціацій растений здѣшнихъ горъ и переходныхъ областей могутъ пролить много свѣту на таинственный процессъ образованія флоры холоднаго пояса изъ тропическихъ. И мнѣ думается, что процессъ этотъ окажется такимъ же, какой былъ мною установленъ для пустынь Туркестана, т. е. естественный подборъ родовъ и видовъ, подходящихъ къ вновь создавшимся условіямъ,—подборъ, сдѣланный изъ элементовъ тропической растительности и—и параллельно съ нимъ идущее видоизмѣненіе, если хотите,—вырожденіе ряда формъ подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующаго, постепенно усиливающагося вліянія такого фактора, какъ общее охлажденіе нагорныхъ и полярныхъ областей нашей планеты...»

Только-что упомянутые очерки А. Н. Краснова имъ были напечатаны въ одинъ годъ съ появленіемъ большой его работы, послужившей докторской диссертацией¹⁾, «Травяныя степи сѣвернаго полушарія» (Изв. И. О-ва Люб. Ест., Антр. и Этн., т. LXXXI, 1894). Эта работа, давшая автору искомую имъ ученую степень, въ общемъ была опять-таки мало оцѣнена въ русской литературѣ. Между тѣмъ, она выдѣляется въ литературѣ «степного вопроса» въ различныхъ отношеніяхъ. Прежде всего уже ширина масштаба изслѣдованія, захватывающаго дѣйствительно почти всѣ степи сѣвернаго полушарія, притомъ въ значительной степени на основаніи личныхъ наблюденій автора, ставитъ трудъ Краснова на особое мѣсто. Дѣйствительно, онъ и сейчасъ, черезъ 20 лѣтъ, является не только на русскомъ языкѣ, но и вообще, единственной по своей полнотѣ монографіей степей съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго географическаго habitus'a. Глава же его, посвященная травянымъ степямъ Америки, представляетъ собой

¹⁾ Какъ-разъ въ той же II кн. «Землевѣдѣніе» за 1894 г., гдѣ помѣщена статья о Явѣ, находится и подробное описаніе диспута проф. А. Н. Краснова на степень доктора географіи. Въ немъ, между прочимъ, отмѣчено, что это «былъ первый докторскій диспутъ по географіи въ Россіи».

для русскаго читателя единственный источникъ для ознакомленія съ послѣдними. «Травяныя степи» интересны и со стороны попытки ихъ автора выяснить флористическій генезисъ элементовъ растительности различныхъ степей, вопросъ, представляющій высокое теоретическое значеніе и въ то же время до сихъ поръ остающійся почти не затронутымъ въ цѣломъ.

Какъ извѣстно, А. Н. Красновъ на основаніи своего сравнительно-географическаго метода приходитъ къ заключенію, что «самой главною и общей рѣшительно для всѣхъ степей чертой является равнинность» и что «въ этой равнинности и лежитъ какъ условіе самаго существованія степи, такъ и причина всѣхъ ея особенностей. Всѣ другія условія, выставлявшіяся другими изслѣдователями, суть по б. ч. лишь слѣдствія этой основной причины». Такъ, большее богатство солями степныхъ почвъ есть не причина образованія степи, а сопутствующій результатъ плохого ея дренажа, скопленіе же растворимыхъ солей одинаково вредно какъ для лѣса, такъ и для степи. Если степь въ силу плохого дренажа въ условіяхъ сухого климата переходитъ въ солонцы и пустыни, то и, наоборотъ, въ условіяхъ влажнаго климата она переходитъ въ луговую степь, сырой лугъ, травяное болото, тундру. Другими словами, для А. Н. Краснова степь есть лишь частный случай вообще *открытыхъ травянистыхъ пространствъ*.

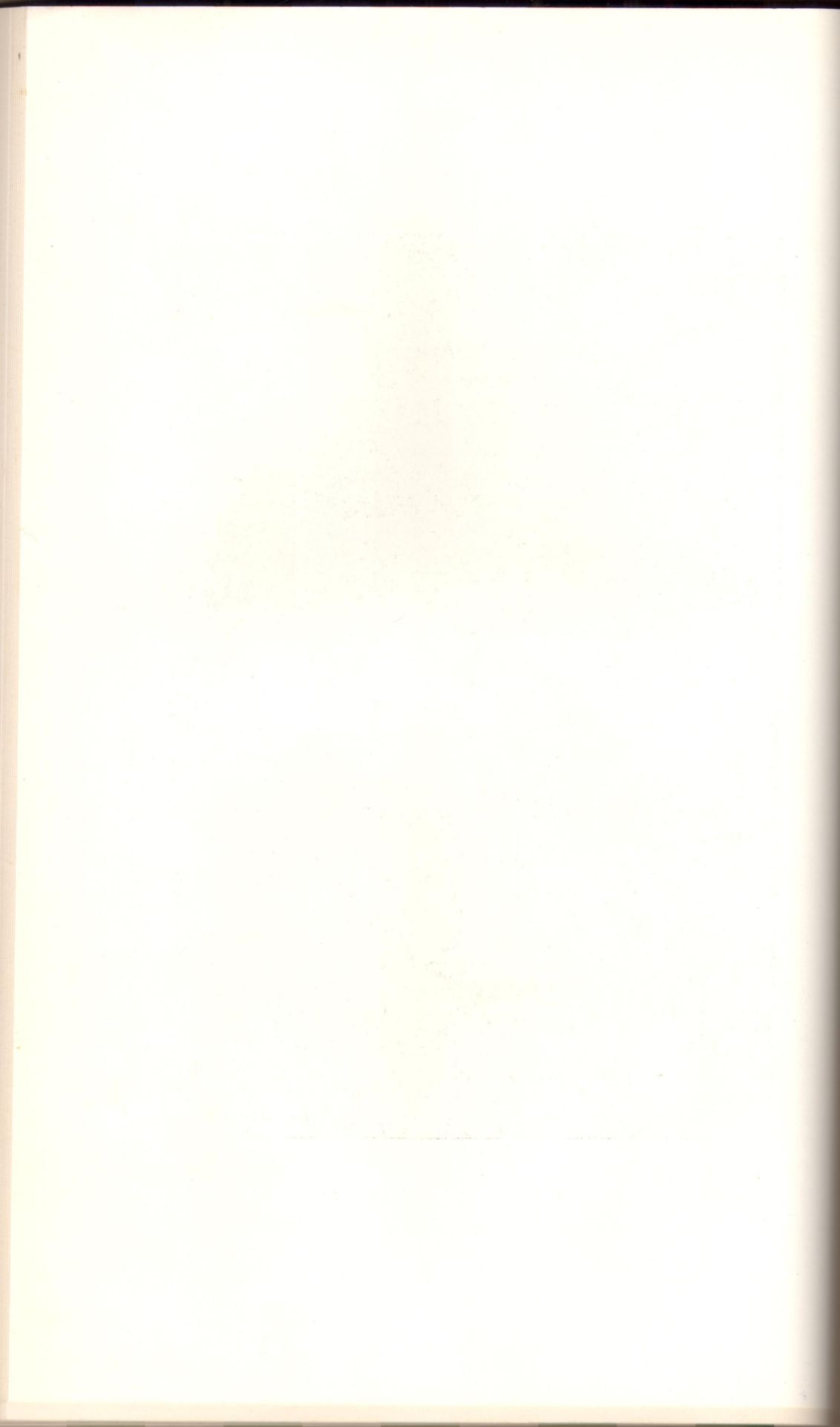
Взглядъ А. Н. Краснова не встрѣтилъ сочувствія, такъ какъ предлагаемая имъ универсальная формула для рѣшенія вопроса—равнинность рельефа и недостаточность дренажа, слишкомъ обща и не содержитъ въ себѣ достаточно конкретнаго элемента фізіологической причинности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя степь, съ одной стороны, обычно связана, дѣйствительно, съ *болѣе или менѣе* равниннымъ рельефомъ, тѣмъ не менѣе, отнюдь не всегда даже идеальная равнина обязательно и безлѣсна, а съ другой—равнинность пространствъ, занятыхъ степной растительностью, очень часто лишь относительная. Несомнѣнно, однако, что идеи Краснова мало обратили на себя вниманіе и потому, что онѣ далеко выходятъ за предѣлы обычнаго приема рѣшенія степного вопроса на основаніи ограниченнаго круга наблюденій, съ точки зрѣнія какого-нибудь одного частнаго принципа. А. Н. Красновъ, какъ тонкій наблюдатель, съ обширнымъ запасомъ опыта, не могъ не замѣтить, что то географическое явленіе, которое мы называемъ «степью», не можетъ быть сведено съ фізіологической точки зрѣнія къ какой-нибудь одной причинѣ, что условія «степи» чрезвычайно разнообразны и что въ природѣ болото, степь,

солонецъ, дѣйствительно не ясно разграничены и легко переходятъ другъ въ друга. Безспорно, дальше, изъ другихъ работъ Краснова, что онъ считалъ обычнымъ типомъ явленій—осыханіе заболоченныхъ пространствъ и превращеніе ихъ въ степь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Разрубить этотъ гордіевъ узелъ степного вопроса Красновъ и думалъ своей формулой, но она, съ одной стороны, по существу все-таки не давала опредѣленнаго отвѣта, а съ другой—оттолкнула отъ его взглядовъ господствующую у насъ почвенную школу, для которой превращеніе болота въ степь до недавняго времени казалось чѣмъ-то такимъ невѣроятнымъ, что если бы его можно было воспроизвести прямо на глазахъ, въ кабинетѣ, то и тогда его отрицали бы....

Изъ работъ, послужившихъ исходными для принятія взгляда на степи, развитаго А. Н. Красновымъ въ его докторской диссертациі, нужно назвать его изслѣдованія для Полтавской губ., изложенныя въ «Матеріалахъ для флоры Полтавской губ.». (Труды О-ва Исп. Пр. И. Харьк. Унив., т. XXIV, 1891) и позднѣе въ статьѣ «Ботанико-географическій очеркъ Полтавской губ.» («Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ.», 1894), и для Харьковской губ.—«Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ.», 1893). Въ названныхъ работахъ авторъ даетъ общую характеристику типовъ растительности упомянутыхъ губерній съ точки зрѣнія ихъ развитія и связи съ почвами и рельефомъ. Особенно интересно написана послѣдняя. Къ недостаткамъ ихъ относится чрезмѣрная бѣглость матеріала и обычная для автора неточность. Но при оцѣнкѣ ихъ значенія и вообще заслугъ Краснова въ дѣлѣ изученія русской растительности нельзя не подчеркнуть съ особенной силой, что эти работы и сейчасъ остаются, если не единственными общими работами для названныхъ губерній, то во всякомъ случаѣ и до сихъ поръ основными, руководящими. И если мы припомнимъ, что подобныя работы, хотя бы и съ тѣми же недостатками, и по сейчасъ совершенно отсутствуютъ даже для такихъ губерній, каковы Московская, Кіевская, лежащія около старѣйшихъ Университетскихъ центровъ; что Красновъ, производя *ботаническія* изслѣдованія Полтавской и Харьковской губ., былъ представителемъ *кафедры географіи*; что, наконецъ, инициатива этихъ изслѣдованій исходила не отъ Университета и университетскихъ ученыхъ обществъ, а отъ земства и сельскохозяйственнаго общества, то для насъ будетъ безспорнымъ, что явно и тайно ироническое отношеніе, преслѣдовавшее работы Краснова при его жизни, должно смѣниться глубокимъ уваженіемъ къ его высокому образу вѣчно-матушагося

Проф. А. Н. Красновъ со студентами на Кавказѣ.

научнаго духа и сожалѣніемъ, что такой типъ ученаго у насъ, къ сожалѣнію, рѣдокъ...

Наиболѣе выдающимся ботанико-географическимъ трудомъ А. Н. Краснова, въ которомъ онъ синтезируетъ всѣ свои наблюденія и мысли въ этой области, безъ сомнѣнія, является его «Географія растений», входившая въ составъ широко задуманныхъ «Основъ землевѣдѣнія». Можно смѣло утверждать, что если бы названный трудъ появился на нѣмецкомъ языкѣ, то имя А. Н. Краснова въ Россіи пользовалось бы такой же авторитетностью въ ученыхъ кругахъ, какъ имя Варминга, Шимпера и т. п. Но такъ какъ онъ появился на русскомъ языкѣ, то вызвалъ лишь острую критику своихъ отрицательныхъ сторонъ, положительные же стороны были совершенно не освѣщены и не оцѣнены.

«Географія растений» Краснова отмѣчена рѣзко индивидуальными чертами. Прежде всего въ ней послѣдовательно проведенъ принципъ исторической эволюціи. «Растительность земного шара есть плодъ чрезвычайно долгой и сложной исторіи развитія видовъ, подъ вліяніемъ измѣненія условій жизни, теперь еще продолжающагося. Группировка видовъ обусловлена не теперь только существующими условіями, но и бывшими. Центры формированія видовъ, хотя бы они были по условіямъ жизни одинаковы или аналогичны, даютъ виды далеко неодинаковые въ силу ихъ изоляціи другъ отъ друга. То же самое можно сказать и объ областяхъ угасанія древняго типа флоръ. Онѣ создались не сразу, онѣ также въ свое время представляли свои центры творенія и если за долгое существованіе этихъ флоръ характерныя черты ихъ сгладились, то онѣ сгладились не настолько, чтобы сдѣлать ихъ тождественными. Разныя области угасанія отличаются другъ отъ друга не только видами, сохранившимися отъ угасанія, но, повидимому, и группами, искони вѣковъ ихъ отличавшими другъ отъ друга»... «Всѣ флоры современности по сравненію съ флорами древними, третичными, представляютъ какъ бы продукты вырожденія этихъ послѣднихъ. Они бѣднѣе семействами, ихъ развитіе менѣе пышно. Не знавшая засухи и зимъ флора древнихъ геологическихъ періодовъ была флора вѣчно зеленыхъ растений... Но со середины третичнаго періода, мы все чаще и чаще начинаемъ встрѣчаться съ знакомымъ намъ типомъ деревъ съ опадающей листвою. Этотъ типъ является сперва въ околуполярныхъ странахъ, затѣмъ становится все чаще и чаще въ средней Европѣ и, наконецъ, проникаетъ почти до самыхъ тропиковъ. Почка есть первая стадія приспособленія для борьбы съ періодомъ холода, ее же мы встрѣчаемъ съ значительными,

впрочемъ, отличіями въ организаціи у растеній странъ съ періодически повторяющимися засухами. Но на ряду съ образованіемъ почекъ и опадающихъ листьевъ въ растительномъ царствѣ двухъ упомянутыхъ выше типовъ климатовъ наблюдаются и другія измѣненія. Цѣлый рядъ семействъ, какъ Compositae, Liliaceae, Cruciferae, Papilionaceae, оказываясь наиболѣе способными переносить засуху и морозъ, даютъ намъ большой процентъ выживающихъ формъ. Особенности организаціи растеній этихъ заключаются не только въ цѣлесообразности устройства цвѣтка, но и въ томъ, что они... обладаютъ способностью или давать *однолѣтніе побѣги*... или сокращать періодъ вегитаціи..., образуя типъ растенія однолѣтняго. Чѣмъ болѣе усиливаются крайности холодовъ и сухости, тѣмъ болѣе господство упомянутыхъ семействъ становится замѣтнымъ, тѣмъ болѣе рѣзкія черты принимаютъ упомянутыя выше приспособленія. Полярный климатъ и климатъ пустыни являются какъ бы предѣлами идущей въ этомъ направленіи эволюціи... Мы имѣемъ области, гдѣ эти крайности все еще усиливаются и достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Таковы арало-каспійская пустыня, горныя области центральной и субарктическія пустыни сѣверной Азіи. Тутъ, если можно выразиться, область агоніи растительной жизни. Если въ лицѣ субтропическихъ областей и влажныхъ нагорныхъ высотъ, мы имѣемъ дѣло съ *областями постепеннаго угасанія древнетретичныхъ формъ*, то тутъ мы имѣемъ дѣло съ *центрами творенія* новыхъ современныхъ растительныхъ видовъ». Эти идеи преемственности, угасанія, измѣненія, приспособленія и положены въ основу выдающагося труда Краснова и всего построенія изложенія. Онѣ же лежатъ въ основаніи и предлагаемой имъ интересной собственной ботанико-географической классификаціи, остающейся, какъ и вся книга, до сихъ поръ безъ вниманія со стороны русскихъ ученыхъ ¹⁾.

Подобное отношеніе къ произведеніямъ своихъ русскихъ выдающихся людей, характеризующееся какой-то боязнью признать ихъ хорошія стороны и стремленіемъ видѣть только отрица-

¹⁾ Такъ, напр., въ вышедшемъ въ 1914 г. переводѣ нѣмецкой книги П. Гребнеръ «Географія растеній» подъ ред. проф. М. Голенкина, сильно переработаннаго текстъ оригинала и пополнившаго его дополненіями на основаніи русскихъ источниковъ, «Географія растеній» А. Н. Краснова совсѣмъ вообще не упоминается. Какъ «единственное подробное руководство по географіи растеній на русскомъ языкѣ», приводится Гризебахъ «Растительность земного шара» (перев.), трудъ хотя и классическій, но вышедшій въ 1874—1877, написанный въ духѣ идей доэволюціоннаго періода и вообще безконечно устарѣвшій въ общемъ и въ частностяхъ.

тельное, въ данномъ случаѣ особенно бросается въ глаза потому что въ своей «Географіи растений» А. Н. Красновъ замѣчательнымъ образомъ во многихъ пунктахъ совпалъ съ воззрѣніями нѣмецкаго ботанико-географа Шимпера, трудъ котораго, вполне заслуженно получившій большую извѣстность, «Pflanzen-Geographie auf physiologischer Grundlage»¹⁾ вышелъ почти одновременно съ трудомъ Краснова. Объ этомъ сходствѣ во взглядахъ послѣдній говоритъ въ «Заключеніи» слѣдующее: «Въ біологическомъ отношеніи, равно какъ и по облику господствующихъ формъ, растительность земного шара гораздо удобнѣе дѣлится по климатическимъ группамъ, а не по отличіямъ въ систематическомъ составѣ и принятое нами дѣленіе къ нашему удовольствію нашло отголосокъ въ вышедшемъ въ свѣтъ въ моментъ печатанія этихъ заключительныхъ строкъ обширномъ трудѣ Шимпера, посвященномъ тому же вопросу. Мой уважаемый коллега, которому судьба дала возможность посѣтить большинство странъ, посѣщенныхъ мною, къ моему удовольствію приходитъ къ дѣленію флоръ очень близкому къ тому, которое предложено мною, и выводы, къ которымъ пришли 2 лица, работающія въ противоположныхъ концахъ Европы, независимо одинъ отъ другого, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ ихъ справедливости»²⁾.

Между тѣмъ даже В. И. Липскій, хотя и подвергнувшій «Географію растений» Краснова рѣзкой критикѣ, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концевъ, признаетъ, что «въ русской литературѣ это все-таки пока единственная б. или м. полная... ботаническая географія». Въ «Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефронъ (т. 13) въ статьѣ «Географія растений», принадлежащей В. Н. Сукачеву, «Географія растений» Краснова при длинномъ спискѣ иностранныхъ источниковъ опять-таки блистаетъ отсутствіемъ.

¹⁾ Въ литературномъ указателѣ, приложенномъ къ вышеупомянутому переводу Гребнера при трудѣ Schimper'a, стоитъ даже спеціальная отмѣтка редактора: «одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по географіи растений».

²⁾ Эти слова Краснова подали поводъ одному изъ рѣзкихъ критиковъ—«уничтожителей» трудовъ его—Е. Чепурковскому («Ест. и Геогр.» 1911, № 5) бросить въ лицо тяжкое обвиненіе въ глубокомъ сознательномъ искаженіи истины. А именно, по словамъ названнаго критика трудъ Шимпера вышелъ не одновременно съ «Географіей» Краснова, а «на пять лѣтъ раньше», слѣдовательно, приблизительно въ 1894 г. На какія данныя опирается г. Чепурковскій, я не знаю. Насколько я лично могъ выяснитъ, годъ выхода въ свѣтъ 1-го изд. Schimper'a всегда датируется 1898. Между прочимъ, въ рецензіи «Географіи растений» Краснова (Тр. Бот. С. И. Юр. Univ., 1900, в. III), въ общемъ мало благопріятной, но и не закрывающей глаза на положительныя стороны, проф. М. И. Голенкинъ говоритъ: «Сходство взглядовъ проф. Краснова на принципы дѣленія флоръ земного шара со взглядами проф. Шимпера, высказанными одновременно съ нимъ, отмѣчаемое авторомъ, говоритъ въ пользу ихъ справедливости, а одновременно выхода книгъ о полной самостоятельности русскаго автора»..

Достаточно ближе познакомиться съ другими работами Краснова, легшими въ основаніе и его «Географіи», чтобы объективно убѣдиться въ правильности его словъ о независимости его взглядовъ отъ взглядовъ Шимпера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, при общемъ сходствѣ построенія того и другого труда, и существенныхъ различій. Если въ «Географіи растений» Шимпера физиологическій принципъ разработанъ гораздо глубже, чѣмъ въ «Географіи» Краснова, то зато въ ней отсутствуетъ элементъ исторической эволюціи, который придаетъ труду Краснова большую ширину и разносторонность. Кромѣ того, для насъ русскихъ послѣдній потому стоитъ ближе, что по понятнымъ причинамъ, онъ гораздо больше удѣляетъ вниманія русской растительности, притомъ на основаніи собственнаго опыта и первоисточниковъ, въ большинствѣ случаевъ оставшихся недоступными Шимперу. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что многія страницы «Географіи» Краснова написаны поистинѣ увлекательнымъ языкомъ, то мы не можемъ не повторить высказаннаго уже раньше пожеланія (см. «Бюлет. Харьк. О-ва Любит. Прир.», 1915, № 1), что «ее нужно переиздать, тщательно проредактировавши и снабдивши необходимыми примѣчаніями и дополненіями»¹⁾. Это долгъ русскихъ ботанико-географовъ не только передъ памятью самого автора «Географіи», но и передъ русскимъ обществомъ и русской наукой.

Индивидуальную особенность «Географіи растений» А. Н. Краснова представляетъ также то вниманіе, которое онъ удѣляетъ культурнымъ растеніямъ. Это частью объясняется вообще его большимъ личнымъ знакомствомъ съ данной областью и любовью къ ней, частью же и правильнымъ по существу соображеніемъ, высказываемымъ имъ по другому поводу, что культурная растительность въ современномъ ботаническомъ ландшафтѣ играетъ съ каждымъ годомъ все большую роль и что описываемая въ книгахъ «ботанико-географическія области» все болѣе и болѣе превращаются въ нѣчто нереальное, историческое прошлое.

Нашу характеристику проф. А. Н. Краснова какъ ботанико-географа, мы закончимъ нѣсколькими словами по поводу его фито-палеонтологическихъ работъ. Его большое изслѣдованіе

¹⁾ Съ чувствомъ удовлетворенія приходится констатировать, что эта мысль встрѣчается уже сочувствіе среди русскихъ ученыхъ и есть основаніе надѣяться на ея осуществленіе (см. проф. *Н. И. Кузнецовъ* въ «Вѣстникѣ Русск. Флоры». 1916, в. I), точно такъ же говоритъ о переизданіи «замѣчательнаго труда» Краснова «Географіи растений», какъ о нравственномъ долгѣ товарищей покойнаго.

«Начатки третичной флоры Юга Россіи» (Тр. О-во Исп. Пр. при И. Х. Унив., т. XLIV, 1911) вызвало въ свое время рѣзкую критику (см. Тр. Ботан. С. Юр. Ун., т. XIII, в. 1, 1912, реф. И. Палибина), въ которой подчеркивается большое количество дефектовъ и совершенно ничего не говорится о какихъ бы то ни было заслугахъ. Однако, изъ другой статьи того же автора («Къ вопросу о третичной флорѣ сѣвернаго Кавказа». Юбилейн. Сборн. въ честь 25-лѣтія научной дѣятельности проф. Николая Ивановича Кузнецова, 1913) видно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя данныя А. Н. Краснова представляютъ безспорный научный интересъ. Если принять во вниманіе, что коллекціи, опредѣленные Красновымъ, сохранились, то, очевидно, что ошибки, допущенныя имъ, легко могутъ быть съ теченіемъ времени исправлены. Между тѣмъ, Красновъ съ обычной энергіей, взявшись за трудъ, предпринялъ рядъ поѣздокъ, собралъ значительный матеріалъ и, обработавши и опубликовавши его, далъ такимъ образомъ возможность для дальнѣйшаго движенія того же вопроса. Въ данномъ случаѣ наше вниманіе обращаетъ на себя другая сторона. Вопросъ о связи различныхъ элементовъ современной флоры Россіи, въ особенности Кавказа, съ третичной флорой въ новѣйшей русской ботанико-географической литературѣ ставится на каждомъ шагу, но мы напрасно стали бы искать у авторовъ, касающихся его, активное стремленіе разрѣшить его наиболѣе правильнымъ путемъ—путемъ палеонтологическимъ. Самое большее, мы встрѣчаемъ ссылки на случайныя находки, сожалѣніе о скудости палеонтологическихъ данныхъ, и въ дальнѣйшемъ—умываніе рукъ и рѣшеніе сложнѣйшихъ проблемъ историческаго прошлаго поверхности земли на основаніи голыхъ фактовъ современнаго распредѣленія тѣхъ или другихъ видовъ. Кто же въ данномъ случаѣ больше грѣшитъ передъ наукой, они ли, или Красновъ, который не считалъ возможнымъ при рѣшеніи глубоко интересовавшихъ его всю жизнь вопросовъ исторической эволюціи стоять на подобной точкѣ зрѣнія и, не имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакихъ основаній расчитывать, что за ту же задачу въ ближайшее время возьмутся специалисты-фитопалеонтологи, самъ взялся за работу въ чуждой ему области. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что этотъ трудъ Краснова является прежде всего глубокимъ нѣмымъ укоромъ русской фитопалеонтологіи, которая въ темпѣ своего развитія совершенно не удовлетворяетъ основнымъ запросамъ тѣсно примыкающей къ ней исторической ботанической географіи...

Фактъ общеизвѣстный, что мы, русскіе ученые, боимся признавать талантъ и значеніе за своими соотечественниками и ихъ

трудами, разъ они не засвидѣтельствованы предварительно Западной Европой. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, теперь, когда рѣчь объ эмансипаціи русской науки у всѣхъ на устахъ, достаточно самостоятельными, чтобы видѣть въ своемъ не только дурное, но и хорошее. Не будемъ бояться назвать крупнымъ талантомъ за то только, что онъ имѣлъ рядъ отрицательныхъ сторонъ, и не будемъ отказываться отъ того умственного богатства, которое онъ намъ оставилъ, хотя бы и въ недостаточно обработанномъ видѣ! Возьмемъ на себя значительную часть отвѣтственности за его промахи, творчество же вѣчнаго безсмертнаго духа поставимъ на должную высоту! Тогда мы смѣло скажемъ нашимъ западно-европейскимъ товарищамъ, что въ лицѣ проф. Андрея Николаевича Краснова не только русская, но и вообще міровая ботанико-географическая наука потеряла выдающагося представителя, блестящаго синтетическаго мыслителя-художника, равнаго по своей потенциальной силѣ общепризнаннымъ корифеямъ науки!

В. Таліевъ.